

# §6 БОРЬБА ЗА РЕСУРСЫ

Бояркина О. А.

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОДНОГО КОНФЛИКТА

**Аннотация.** Объектом исследования являются международные конфликты на трансграничных реках. Предметом исследования выступают формы, методы и инструменты урегулирования и разрешения международного водного конфликта. Для этого необходимо выявить его сущностные характеристики, основные факторы его возникновения, а также провести классификацию конфликтов, в которых водные ресурсы выступают как политическим рычагом давления, так и военным, экономическим инструментом для реализации целей, отвечающих национальным интересам. Существуют прецеденты успешного урегулирования межгосударственных споров по совместному пользованию трансграничными водными ресурсами. Методы исследования, используемые для исследования международного водного конфликта: контент-анализ, факторный анализ, системный метод, а также междисциплинарный подход. Режим по совместному пользованию водами международных речных бассейнов, пересекающих границы двух и более государств, создают напряженность и ведут к возникновению и обострению межгосударственных противоречий. Автор приходит к выводу, что в силу гидрологической и географической специфики каждый водный конфликт уникален, поэтому подход к его урегулированию всегда индивидуален в каждом конкретном случае.

**Ключевые слова:** международный водный конфликт, трансграничные водные ресурсы, международные отношения, водный дефицит, международная безопасность, национальные интересы, политический реализм, международное водное право, концепция территориального суверенитета, борьба за ресурсы.

**Review.** The subject of this research are international conflicts on border rivers. Forms, methods and tools of international water-based conflict resolution are being studied in this article. For this purpose, it is necessary to distill the defining traits of such conflict, the major factors for its emergence, and to define types of conflicts in which water resources play the role of political leverage, as well as military and economic assets for reaching goals aligned with national interests. Precedents of successful international dispute resolutions that involve joint use of bordering water resources are present. The methods of this research involve methodology used to study international water-based conflicts: content analysis, factor analysis, system methods, as well as cross-discipline approach. Joint water basin usage regime for bodies of water adjacent to two or more states often

*become a source of tension and aggravation of international disputes. The author reaches a conclusion that, due to hydrological and geographical particularities, each conflict is unique, and each single instance requires an individual approach.*

**Keywords:** *international water conflict, bordering water resources, international relations, water deficiency, international security, national interests, political realism, international water Law, territorial sovereignty concept, fight for resources.*

**В**ода есть основа существования жизни и ее развития, ведь человек состоит на 80% из воды. На протяжении тысячелетий система жизнеобеспечения человека не изменилась и основана на технологиях, использующих воду. За последние тысячелетия водные запасы не изменились, население же Земли за этот период увеличилось в сотни раз, существенно возрос и спрос на воду. Сельское хозяйство требует больших объемов воды. Многие отрасли промышленности также требуют значительных количеств воды. Помимо прямого потребления, также важно косвенное или непотребительское использование воды. Например, вода имеет решающее значение для производства энергии, будь то гидроэнергетика, ядерная или тепловая. Она используется для отдыха, очистки, поддержания экологических сред обитания, а также имеет другие многочисленные сферы применения (экономические, экологические и социальные). Не существует заменителя для такого важнейшего ресурса, как вода. К началу XXI века вода стала наиболее существенным видом ресурса, необходимым для выживания человечества.

Вода является наиболее распространенным веществом на Земле. Вследствие естественного гидрологического цикла она является возобновляемым природным ресурсом. Тем не менее, его глобальное количество конечно. Кроме этого, антропогенная деятельность, негативно воздействуя на многие водные источники, сегодня привела к тому, что они стали истощаемыми.

Несмотря на то, что вода составляет около 70% поверхности планеты, лишь 2.5% из этого объема — пресная вода. При этом человечеству доступно всего лишь 0.3% мировых пресноводных запасов, значительная же их часть заморожена в полярных ледниках или находится глубоко под землей.

Пресная вода является очень неравномерно распределенным природным ресурсом во времени и пространстве. Частые и регулярные

дожди в некоторых регионах резко контрастируют с длительной засухой в других. Некоторые регионы наделены обилием пресной воды, другие же сталкиваются с ее нехваткой. Таким образом, пресная вода была и остается ограниченным ресурсом. В последние десятилетия стремительный рост потребления пресной воды в мире в XX столетии и сохранение его темпов в начале XXI века (вследствие быстрого и неравномерного роста численности населения планеты, нерационального пользования водными ресурсами и их деградации, урбанизации, глобального климатического изменения) обуславливают проблему обеспечения ею отдельных стран и регионов. Проблема обеспечения пресной водой выходит на качественно новый уровень. Вследствие этого, как и любой востребованный и локально ограниченный ресурс, пресная вода становится предметом межгосударственных отношений.

Человечество уже сейчас вынуждено жить в условиях нарастающего вододефицита. Если в 1950 году ни одна страна в мире не испытывала высокого стресса в обеспеченности водой, то сегодня уже многие страны пребывают в условиях острого водного дефицита. К 2050 г. около 80% стран мира будут находиться в зоне, относящейся, согласно классификации ООН, ниже уровня водного дефицита. Согласно прогнозу известного гидролога Дж. Родда, к 2035–2040 гг. практически все доступные мировые водные ресурсы будут вовлечены в хозяйственную деятельность<sup>[30,17]</sup>. При этом более 50% населения планеты, по данным ООН, в той или иной степени зависят от получаемой от водных ресурсов выгоды<sup>[8,80]</sup>. Кроме этого, надо учитывать, что наблюдаемое климатическое изменение резко ухудшает ситуацию. На сегодняшний день в мире около 2 миллиардов человек не имеют доступа к чистой питьевой воде. Климатическое изменение будет иметь значительное влияние на воду, сокращая доступные водные ресурсы и тем самым значительно усугубляя ситуацию в водной сфере.

Водные ресурсы приобретают сегодня все большую значимость для социально — экономического и политического развития государств. В этой связи проблема обеспеченности водными ресурсами в условиях их растущего дефицита заключает в себе высокий конфликтный потенциал. Сегодня обеспечение водной безопасности является важной задачей каждого государства. Часто интересы различных государств не совпадают, вступают в противоречие, наиболее ярко эту тенденцию можно наблюдать в зонах международных бассейнов.

Большая часть мировых пресноводных запасов находится в пределах речных бассейнов и водоносных горизонтов, пересекающих национальные границы, поэтому их ресурсы принадлежат нескольким государствам, и являются трансграничными. Под термином трансграничные реки в данной работе понимается река, пересекающая границы двух и более государств; при этом в силу гидрологической взаимозависимости деятельность одного из государств непосредственно влияет на состояние и объем водных ресурсов соседних прибрежных государствах.

Учитывая, что международные реки охватывают около 46% поверхности суши, где проживает половина населения Земли <sup>[8, 24]</sup>, трансграничный характер водных ресурсов еще более обостряет межгосударственные отношения, поскольку гидрографические границы рек зачастую не совпадают с границами политическими, что повышает вероятность возникновения водных конфликтов и влияет на состояние региональной и международной безопасности. Так, Национальный совет США по разведке в докладе «Глобальные тенденции до 2025 г.: изменившийся мир» отмечает возрастающую вероятность возникновения конфликтов, связанных с дефицитом ресурсов, в т.ч. и водных <sup>[28, 47]</sup>. В этой связи в настоящий постбиополярный период международные водные отношения стали рассматриваться не только как экологическая проблема или проблема социально — экономического развития. Все чаще глобальное водопользование сегодня рассматривается в контексте таких категорий, как «национальные интересы» и «национальная безопасность», что обусловлено рядом как объективных факторов (глобальное климатическое

изменение, демографический рост, увеличение уровня мирового водопотребления), так и субъективных (нерациональное водопользование). Таким образом, сегодня вода становится неотъемлемым элементом современных международных отношений в целом и национальной безопасности государств, в частности.

Существует ряд доктрин, представляющих собой теоретические основы использования и принципы регулирования трансграничных водных ресурсов (ТВР). Данные доктрины основаны на концепции территориального суверенитета, которая наделяет государства исключительным правом пользования природными ресурсами (в т.ч. водными), находящимися в пределах своих границ.

Согласно доктрине абсолютного территориального суверенитета (иначе доктрина Хармона) за государством признается исключительное право использовать природные ресурсы, находящиеся на его территории, по своему усмотрению, не учитывая интересы сопредельных (нижележащих) государств. Хармон, министр юстиции США, предложил данную доктрину в споре США с Мексикой по реке Рио-Гранде (1895), отметив, что международное водное право не налагает никаких юридических обязательств на США по использованию ТВР, следовательно, государство верховья может использовать весь формирующийся на его территории сток водных ресурсов, истощать его, абсолютно не учитывая интересы нижележащего государства <sup>[26, 527]</sup>. Сегодня мировое сообщество рассматривает данную доктрину неодобрительно, считая, что она не способна урегулировать споры по ТВР в силу ее одностороннего видения проблемы.

Другая доктрина, основанная на принципе абсолютной территориальной целостности, представляет собой противоположность предыдущей и предусматривает, что государство верховья не может осуществлять деятельность, которая может повлиять на естественный водосток государствам низовья. Некоторые ученые и государства нижнего течения предлагают считать, что право на абсолютную территориальную целостность обеспечивает государства низовья правом вето на деятельность государств верховья, однако, как правило, принцип права вето не применяется. Иными словами, данная

теория налагает определенную ответственность на государства верховья, при этом государства низовья не несут соответствующих обязательств. Поэтому на сегодняшний день данная доктрина также не получила широкого мирового признания и распространения.

Принцип ограниченного территориально-суверенитета представляет собой основополагающий элемент международного водного права, и широко рассматривается в качестве обычного международного права. Основанный на поиске компромисса между интересами стран одного международного бассейна, этот принцип является попыткой объединить две предыдущих теории в единую интегрированную систему посредством признания права каждого прибрежного государства на использование определенной части реки и обязанности не причинять существенного вреда другим прибрежным государствам при реализации своего права на воду <sup>[31, 496]</sup>. На сегодняшний день данный принцип получил наибольшее признание у международного сообщества и считается наиболее справедливым, поскольку учитывает интересы и потребности каждой стороны международного бассейна.

В условиях нехватки такого ограниченного и все более дефицитного ресурса, как вода, его распределение, использование и доступ к нему может привести к конфликтам как внутри страны, так и на межгосударственном уровне. Более 280 заключенных межгосударственных договоров по вопросу водопользованию отражают напряженность, порождаемую международными бассейнами.

Понятие «конфликт» предполагает наличие разнонаправленных интересов, целей, позиций и ценностей. Более того, состояние конфликта есть естественное состояние в силу объективного разнообразия акторов двух и более оппонирующих сторон, наиболее острая форма проявления конфликтности отношений. Надо отметить, что понятие конфликта является одной из центральных категорий научной школы политического реализма в теории международных отношений, которая рассматривает конфликт как результат столкновения интересов государств, опирающихся на доступные ресурсы и преследующих несовпадающие цели не только для обеспечения своей национальной

безопасности, но и экспансии. Таким образом, в соответствии с постулатами политического реализма, категория конфликт находится в центре системы международных отношений с ее доминированием государственно — центричной модели. Под объектом конфликта, являющимся наименее изученным с теоретической точки зрения элементом конфликта как системы, понимают оспариваемый субъектами конфликта интерес. Субъектами конфликта могут выступать государства (являющиеся основными субъектами международных отношений, согласно данному учению), политические организации и институты, политические партии и т.д. Полярность позиций противоборствующих сторон заключается в том, что каждая сторона декларирует свой интерес обязательным для другой. Согласно учению политического реализма, конфликт неизбежен, поскольку человеческой природе свойственно использовать насильственные методы для достижения своих целей в борьбе за необходимые ресурсы (так называемый принцип «*scarcity*»). Поэтому, являясь универсальной категорией, конфликт как таковой свойственен любому процессу и представляет собой естественное развитие международных отношений. Исходя из этого, становится очевидным, что в конфликте имеется и позитивное начало, ведь общественный прогресс невозможен без столкновения интересов («борьбы противоположностей»). Конфликт следует рассматривать как показатель, отражающий наличие проблемы, без разрешения которой становится невозможным дальнейшее развитие.

Ранее термин «конфликт» рассматривался преимущественно социологической наукой (Г. Спенсер, У. Самнер, Г. Тард, Г. Зиммель, К. Боулдинг, Р. Дарендорф и др.). В политической же мысли это понятие не получило должного внимания и поэтому изучено менее. Как правило, политический конфликт описывался извне, с экономической и социальной точек зрения, а не изнутри, из мира политики <sup>[5, 115]</sup>. В научной мысли имеется немало определений и концепций социального конфликта, чего не скажешь о политическом, которому не было уделено внимание, достойное его значению.

Существует немало определений термина «*политический конфликт*», которые в целом

понимают его как борьбу двух и более субъектов политики за власть, столкновение их взаимоисключающих интересов в борьбе за политическое господство. Следовательно, объектом политического конфликта является власть, ее захват и удержание, расширение властных полномочий, причиной же политического конфликта — несовместимость политических интересов и целей субъектов политики в их стремлении захватить, удержать и расширить власть. Субъектом данного конфликта могут выступать государства, общественные организации, СМИ, политические партии и т.д. Особенностью политического конфликта является организационная оформленность его участников. При реализации своих интересов по поводу власти одна из противоборствующих сторон предпринимает активное вмешательство в действия другой в целях предотвращения осуществления ею любых целеполаганий. Такое конкурентное взаимодействие между субъектами политики создает ситуацию политической напряженности, которая в потенциале может перерасти в политический конфликт. Надо отметить, что развитие политического конфликта, занимающего определенное место в структуре международной системы, в определенной степени зависит от конфликтогенности международных отношений в целом.

Другой особенностью политического конфликта является его возможность возникать на основании других противоречий (экономических, этнических, религиозных, иных) в случае, если затронуты вопросы власти. Для политического конфликта характерно аккумулятивное в себя различных видов противоречий и конфликтов. Тесная взаимосвязь между понятиями «конфликт» и «противоречие» ставит вопрос об их соотношении. Хотя противоречие и порождает конфликт, эти явления не тождественны. Противоречия указывают на наличие противоположных интересов между различными сторонами, способные существовать весьма длительный период времени, не перерастая при этом в конфликт. Накопление политической напряженности между сторонами, понимание противоположности их целей и интересов и формирование конкретной мотивации к действию побуждает стороны приступить к противоборству и перейти к кон-

фликту (открытому либо латентному). Таким образом, конфликт есть обострение в развитии противоречия.

Существуют различные основания классификации политического конфликта. С точки зрения областей его проявления, выделяют внутривнутриполитический (внутригосударственный) и международный конфликты. В отличие от внутривнутригосударственного, международный конфликт потенциально несет в себе угрозу либо возможность войны, чреват ею и зависит от политической межгосударственной напряженности. Понятие «объекта» международного конфликта распространяется на весьма лимитированный комплекс определенных благ (материальных и нематериальных), представляющих собой объект соперничества конфликтующих сторон. В качестве примера материального источника конфликта можно выделить территорию, объекты материальной культуры, людские и природные ресурсы и т.д. Зачастую международные конфликты становятся *конфликтами интересов*, ориентированными не на определенное благо как таковое, а на изменение позиции, обеспечивающей доступ к этому благу и его получение. На сегодняшний день конфликт интересов в форме соперничества за природные ресурсы приобретает все большую значимость. Вода представляет собой один из подобных конкурентных ресурсов, способствующих возникновению конфликтов по воде.

Водный конфликт представляет собой противоречие, возникающее как на внутривнутригосударственном/ локальном (между людьми, коллективами), так и на межгосударственном уровне по совместному использованию ТВР вследствие противоположности интересов, отсутствия взаимопонимания. Принимая во внимание, что водный конфликт представляет собой один из источников межгосударственных противоречий, и, вследствие этого, очень тесно вплетен в международные отношения, автором предложен к использованию в политологической науке термин «*международный водный конфликт*» для характеристики межгосударственного конфликта на международных речных бассейнах. Данный термин является более емким по сравнению с имеющимися [международные конфликты, связанные с использованием водных ресурсов, международные кон-

фликты на трансграничных реках, международные конфликты по совместному использованию водных ресурсов и т.д.] и при этом несет ту же смысловую нагрузку. Объектом международного водного конфликта является обеспечение контроля и беспрепятственного доступа к водным ресурсам.

Рассмотрим классификацию международных водных конфликтов, разработанную специалистами Тихоокеанского Университета. Они выделяют несколько типов конфликтов по воде: борьбу за контроль над водными ресурсами (Израиль — Сирия, 1962), использование водных ресурсов в качестве военного средства (ирано-иракская война 1980–1988), в качестве политического средства (Малайзия — Сингапур, 1997; Украина — Крым, 2014), в качестве объекта терроризма (Израиль — Хезболла, 2006), в качестве военной цели (Израиль — Сирия, 1967), конфликт по вопросам социально — экономического развития (Таджикистан — Узбекистан).

Из приведенной классификации следует, что использование ТВР ведет к многофункциональным конфликтам, которые принимают различные формы противостояния: вода выступает как политическим рычагом давления, так и военным, экономическим инструментом для реализации национальных интересов. При этом, некоторые конфликты могут не подпадать ни под один тип классификации, а могут относиться к нескольким типам конфликтов, перерастая из одного в другой. Например, в Центральной Азии конфликт по социально — экономическому развитию трансформировался в политический. Или возьмем пример нынешних дней — сельское хозяйство Крымского полуострова на 85% зависит от вод текущего с Украины Днепра по Северо-Крымскому каналу. Действия Украины, полностью перекрывшей в апреле 2014 г. воду, поступающую на территорию Крыма, по разным оценкам нанесут экономический ущерб полуострову в размере 5 млрд. руб. При этом, большинство экологов прогнозирует затопления на территории самой Украины вследствие предпринятых ею односторонних действий. Однако такая перспектива украинские власти не пугает, их поведение иррационально: страна пытается любыми способами навредить полуострову, не считаясь с возможным

экономическим и экологическим ущербом своим национальным интересам. Иными словами, Украина использует водные ресурсы как политический рычаг давления на присоединившийся к России Крым, понимая, что не только социально — экономическое развитие, но и само выживание полуострова зависит от водных ресурсов, поступающих с территории Украины.

Ученые Тихоокеанского Университета утверждают, что водные конфликты имеют 5000 летнюю историю. Доступ к воде и контроль над водными системами являлись причиной конфликтов, которые зачастую были вооруженными. Так, первым зафиксированным случаем вооруженного конфликта, приводимым учеными Университета, является произошедшая примерно 4500 лет назад война между двумя городами — государствами Месопотамии, Лагаш и Умма в бассейне рек Тигра и Евфрата (сегодня этот регион называется южным Ираком). Урлама, король Лагаша с 2450 по 2400 гг. до н.э., отводит воду из этого региона в каналы в пределах границ своего государства, высушив при этом каналы на границах для того, чтобы лишить Умму воды. Его сын Иль перекрыл подачу воды в один из городов Уммы Гирсу<sup>[23, 35]</sup>. В целом же, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации, временной промежуток между 805 и 1984 гг. отмечен подписанием почти 3600 водных соглашений. Общие интересы, человеческое творчество и институциональный потенциал постепенно улучшили характеристики конфликтных ситуаций, связанных с водой. Как только устанавливались водные режимы на основе договоров, они оказывались впечатляюще устойчивыми в течение долгого времени, даже когда между враждующими прибрежными сторонами возникали конфликты по другим вопросам.

На сегодняшний день около 145 стран делят воды 263 международных речных бассейнов. При этом международные реки охватывают около 46% поверхности суши, где проживает половина населения Земли. В мировой практике существует немало примеров, когда вопросы совместного использования вод трансграничных рек сопредельными государствами решались мирным способом (около 67% водных разногласий)<sup>[13, 14]</sup>. Тем не менее, научное сообщество сегодня все настойчивее прогнози-

рует возможность возобновления как старых, так и появления новых конфликтов в сфере использования ТВР. В этой связи возможность определить угрозу появления водных конфликтов представляет собой для исследователей определенную сложность. Особой проблемой является выявление ключевого фактора, влияющего на возникновение водного конфликта. Сложность состоит в нахождении основного параметра, который бы сделал возможным весьма точно спрогнозировать развитие событий в конкретном регионе.

В настоящее время для оценки вероятности возникновения водного конфликта большинством ученых и организаций, включая ООН, используется *индекс Фалкенмарка* [18, 115], отражающий соотношение объема доступных водных ресурсов на душу населения и являющийся основным показателем уровня страновой водообеспеченности. Шведским гидрологом М. Фалкенмарком определен уровень вододефицита, при котором формируются препятствия для дальнейшего социального и экономического развития государства: от 1000 до 2000 чел /млн. м<sup>3</sup>/в год. Так, установлен уровень в 1700 м<sup>3</sup> водных ресурсов на душу населения в год в качестве порога, ниже которого наступает водный стресс; при снижении уровня водообеспеченности ниже показателя в 1000 м<sup>3</sup> отмечается хроническая нехватка воды, ниже 500 м<sup>3</sup> — абсолютная нехватка воды. Преодоление критической черты зависит от нескольких факторов: доступности пресной воды, потребностей населения, а также уровня ожидаемого аграрного либо индустриального развития.

Наряду с индексом Фалкенмарка весьма широко используется *индекс Ольссона* [29, 42], отражающий способность государств адаптироваться к водному дефициту. Ольссон, используя индекс человеческого развития ПРООН, преобразовал индекс Фалкенмарка путем учета «адаптационного потенциала» общества — то есть способности общества адаптироваться к водному стрессу при помощи экономических, технологических и других средств.

Тем не менее, рассмотренные индексы не учитывают других значимых факторов (например, индекс Фалкенмарка не берет во внимание вероятность водного стресса между небольшими группами в отдельных регионах, наличие

инфраструктуры, влияющей на доступность воды для пользователей), не позволяют всесторонне оценить ситуацию и спрогнозировать вероятность возникновения водного конфликта.

Питер Глейк, президент Тихоокеанского института исследований в области развития, окружающей среды и безопасности [22, 90], предложил следующий комплекс параметров, отражающих вероятность формирования водного конфликта: уровень дефицита водных ресурсов, интернациональность (количество участников, принадлежащих к одному международному речному бассейну), мощь сопредельных государств, доступ к альтернативным источникам. В соответствии с приведенными показателями, наиболее «опасными» регионами можно назвать Южную, Юго-Восточную и Центральную Азию, Африку, Ближний Восток, сталкивающиеся с серьезным водным дефицитом.

В целом, наряду с вышеприведенными факторами, влияющими на возникновение международного водного конфликта, выделяют также следующие причины его наступления. Так, А. Вульф, Ш. Йоффе и М. Джордано [32, 18] выделяют интернационализацию речных конфликтов в результате появления новых государств (Центральная Азия), односторонние действия государств по развитию инфраструктурных проектов на международных реках (Индия — Пакистан), а также общую напряженность во взаимоотношениях между сопредельными государствами, не связанную с водными проблемами (Израиль — Палестина).

Ли Ху Ти, начальник отдела водной безопасности ЭСКАТО ООН, предлагает свою, более детализированную, классификацию причин водного конфликта [25, 12]. Проблемы в водной сфере по поводу пресной воды могут быть сгруппированы в три основные типа: качество воды, ее количество и проблемы водных экосистем. При этом, эти три типа, как правило, взаимосвязаны между собой.

В целом, на возникновение международных водных конфликтов оказывают влияние споры в экономической и политической сферах, а также естественные и антропогенные факторы. При этом экономические и политические факторы рассматриваются как отдельные движущие силы. Являясь катализаторами конфликтов по воде, экономические и политические разно-

гласия воздействуют на ситуацию в водной сфере. В свою очередь, проблемы в водной сфере также могут приводить к конфликтам/спорам в двух других областях.

Среди экономических факторов Ли Ху Ти выделяет экономическое неравенство (бедность), торговые вопросы и экстремальные рыночные условия. Политические разногласия, влияющие на вероятность возникновения водного конфликта, — это территориальные споры, этническое соперничество, национализм, а также стремление к региональной гегемонии.

Антропогенные факторы включают увеличение численности населения, способствующую росту спроса на воду, который зачастую ведет к ее нерациональному использованию, неустойчивому водозабору. Деятельность человека, промышленности, сельского хозяйства производит отходы, которые обычно сбрасываются в водные объекты (пестициды, химикаты), сточные воды.

Естественные факторы подразумевают засушливый и полузасушливый климат, местные природные условия, глобальное изменение окружающей среды (климатическое изменение, опустынивание), экстремальные климатические явления (такие как наводнения, засухи и циклоны). Рассматривая глобальные климатические изменения в качестве потенциального катализатора водного конфликта, надо отметить, что хотя нет достаточных доказательств связи между последними тенденциями изменения климата и экстремальными явлениями, стихийными бедствиями, связанными с водой (например, последствия Эль — Ниньо, экстремальных паводков, которые влияют на многие регионы мира), и глобальными изменениями в окружающей среде, однако эти тенденции к изменению климата и экстремальным явлениям отмечены в глобальном масштабе и должны быть надлежащим образом изучены с тем, чтобы не допустить их перерастания в водные конфликты. Наконец, окружающая среда и поддерживающие экосистемы также требуют воды, удовлетворение этих требований часто конфликтует с удовлетворением других потребностей. В то время как человеческое вмешательство может минимизировать воздействие этих природных факторов, незнание важности функций экосистем наряду с отсутствием консультаций с заинтересованны-

ми сторонами может способствовать наступлению и эскалации водного конфликта.

Наряду с выделенными факторами особую роль при возникновении водных споров играет географическое положение стран одного международного водного бассейна. Так, государства, расположенные в низовьях рек, напрямую зависят от водной политики государств зоны формирования стока рек (проблема качества воды и ее количества). Ключевая причина водных споров заключается в том, что гидрографические границы рек не совпадают с границами политическими; воды международных рек являются собственностью одного и более государств, что неизбежно приводит к международному водному конфликту в условиях нарастающего дефицита водных ресурсов.

Анализируя мировую практику причин водных конфликтов, надо отметить, что большинство из них были вызваны разногласиями относительно количества поступающих ресурсов и инфраструктуры (плотины, водохранилища и т.д.). Так, около 61% произошедших мировых конфликтов касался вопросов объемов водозабора, вопросов же инфраструктуры — около 25%.

При анализе причин и факторов, влияющих на возникновение и развитие водного конфликта, необходимо также принимать во внимание политический режим, а также политическое устройство конфликтующих сторон. Очевидно, что в государствах с авторитарным устройством вероятность наступления конфликта намного выше, нежели в демократических государствах, где спорный вопрос будет вероятнее всего решен посредством достижения консенсуса и проведения переговоров. Также важно учитывать степень легитимности власти, уровень влияния гражданского общества на принимаемые политические решения, эффективность действующей системы институтов принятия решения. В государствах с высоким уровнем указанных параметров вероятность водных конфликтов крайне мала.

Другим весьма значимым фактором, влияющим на развитие международных водных отношений, является отсутствие международной нормативно-правовой базы, регулирующей трансграничные водные отношения. Между-



народное водное право как самостоятельная отрасль находится еще в процессе формирования, поэтому на сегодняшний день общемировых правил межгосударственного вододелия, единых для всех государств, не существует. Этот фактор можно выделить как один из наиболее значимых в случае, если между сопредельными государствами не был достигнут консенсус по вопросу совместного международного водопользования.

Трудно обозначить в последовательности развития водного конфликта общую тенденцию, так как в каждом отдельном случае на него действует особый набор факторов. Хотя каждый водный конфликт уникален, тем не менее, в основе каждого из них можно выделить определенный комплекс причин, повторяющийся в разных конфликтах и регионах.

Уровень вододефицита во времени и пространстве оказывает значительное влияние на характер и степень тяжести конфликта, которые могут варьироваться в зависимости от региона; при этом в маловодные годы степень напряженности конфликтов существенно повышается. В отдельных регионах различные факторы играют большую роль, однако в целом основные рассмотренные выше характеристики конфликтов по воде схожи.

В связи с этим можно выделить некоторые общие подходы к решению международных водных конфликтов. В целом, подходы к урегулированию водных конфликтов можно классифицировать на два типа: урегулирование при помощи вооруженной силы (принуждение к миру) и без нее. Военное вмешательство применяется, как правило, при конфликтных ситуациях, достигших высокой степени напряженности, когда взаимное уничтожение возможно избежать только при вмешательстве извне. Учитывая, что такая форма тяжести конфликта весьма редка в случае водных разногласий, рассмотрим более подробно урегулирование конфликта без применения вооруженной силы. Этот тип урегулирования конфликтных ситуаций можно подразделить, в свою очередь, на следующие направления: политическое (наличие/отсутствие политической воли), правовое (заключение соглашений и договоров) посредством переговорного процесса, институциональное (создание эффективной системы институтов принятия решений), а также

техническое (обмен информацией между специалистами-водниками).

Отметим, что вышеупомянутые направления являются основными составляющими концепции интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР), представляющей собой порядок управления водными ресурсами посредством бассейнового подхода с учетом интересов всех сторон (как между различными отраслями, так и между водохозяйственными организациями на разных уровнях) в использовании природных ресурсов (водных, земельных и пр.) в целях их рационального и устойчивого развития без нанесения ущерба экосистемам. В настоящее время данная концепция широко используется во всем мире и признана достаточно эффективной для управления водными ресурсами. В целях успешного обеспечения ИУВР важную роль играет достижение компромисса в конфликтных ситуациях. Минимальным требованием для урегулирования конфликта является признание права на существование противника. Следует особо отметить, что основополагающим фактором при урегулировании водного конфликта является наличие политической воли к сотрудничеству, проявленной, например, в бассейнах Меконга, Инда, Замбези.

Большинство исследователей отмечают, что важную роль в процессе урегулирования международного водного конфликта играет заключение соглашения, без которого невозможно сотрудничество по спорным трансграничным водам. Действительно, нормативно — правовая база является необходимой основой, на которой зиждется межгосударственное взаимодействие по ТВР, и существенно облегчает дальнейшие отношения между государствами, проявившими желание к сотрудничеству. При этом, отсутствие асимметрии в военно — политическом и экономическом потенциале у конфликтующих сторон гарантирует большую вероятность успешных переговоров, ведущих к заключению соглашения. Однако при несоблюдении заключенных договоренностей трудно ожидать какого — либо прогресса в урегулировании межгосударственных противоречий по совместному использованию ТВР. Одной из причин несоблюдения бассейновых соглашений можно выделить их неэффективность вследствие недостаточной проработанности (расплывчатость ключевых формулировок

во избежание их двоякого толкования; универсальность договора, учитывающая возможные изменения его существенных условий). Безусловно, эффективное соглашение должно учитывать специфику каждого конкретного бассейна (его географию, гидрологию, водопотребление каждым прибрежным государством, показатели спроса на воду, численность населения, климат). Институциональное направление включает создание эффективной системы институтов принятия решений (комиссии, комитеты). Некоторые ученые <sup>[33, 51]</sup> считают технический аспект центральным при урегулировании водных споров, отмечая, что институциональный инструмент бывает слишком хрупким и, следовательно, менее эффективным. Техническое направление заключается в регулярном обмене достоверными данными о состоянии водных ресурсов между прибрежными государствами. Кроме того, очевидно, что специалисты — водники и технические эксперты играют важную роль в составлении нормативно — правовых соглашений и договоров.

Наряду с вышеперечисленными направлениями решения конфликтов в последнее время широкое распространение получила техноло-

гия альтернативного урегулирования споров (Alternative Dispute Resolution-ADR). Она является собой ряд подходов и технологий, посредством которых стороны конфликта пытаются найти взаимоприемлемое решение. Основными составляющими ADR являются переговоры, достижение консенсуса, посредничество.

В условиях невозможности достичь компромисса конфликтующими сторонами самостоятельно необходимо участие третьей нейтральной стороны. Более того, при существенном различии военного и политического потенциала у конфликтующих сторон, более сильное государство может нарушать права более слабого. В этом случае третья сторона выступает гарантом соблюдения достигнутых договоренностей.

Учитывая все рассмотренные причины и факторы возникновения водных конфликтов, а также пути их решения, можно сделать вывод, что каждый конфликт уникален, хотя имеет общие характеристики. В силу отсутствия единых международно-правовых норм, подход к урегулированию водного спора всегда индивидуален в каждом конкретном случае.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бажанов Е. П. Актуальные проблемы международных отношений: Избранные труды в 3 т. — М.: Науч.кн., 2007. — Т. 1. — 328 с.
2. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. — М.: НОФМО, 2002.
3. Боришполец К., Бабаджанов А. Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества. Аналитические записки, М.: Центр постсоветских исследований, МГИМО — Университет, выпуск 9 (29), декабрь 2007.
4. Валентини К. Л., Оролбаев Э. Э., Абылгазиева А. К. Водные проблемы Центральной Азии. — Бишкек, 2004; Духовный В. А. Интегрированное управление водными ресурсами. Опыт и уроки Центральной Азии — навстречу 4-му Всемирному водному форуму. — Т.: Узбекистон, 2005.
5. Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика: Теорет. — методол. анализ. — М.: Эдиториал УРСС, 2000.
6. Данилов-Данильян В. И. Неизбежны ли водные войны? // Дип.ежегодник. — М.: Науч.кн., 2004.
7. Дмитриев А. В. Конфликтология. — М.: Гардарики, 2000.
8. Доклад ООН о развитии человека «Что кроется за нехваткой воды: Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов». М.: Весь мир, 2006.
9. Козырев Г. И. Политический конфликт: общее и особенное. Монография. — М.: Изд-во Экслибрис-Пресс, 2007.
10. Куртов А. А. Водные ресурсы как причина конфликтов в Центральной Азии // Журнальный клуб Интелрос «Свободная мысль». — 2013.
11. Петров Г. Н., Ахмедов Х. М. Комплексное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии. Современное состояние, проблемы и пути их решения. — Душанбе: Дониш, 2011.

12. Рудов Г.А., Пономарева Е. Г. Центральная Азия. Кавказ. Балканы: Региональные подсистемы и региональные проблемы безопасности: сборник статей. — М.: ДА МИД РФ, 2007.
13. Рысбеков Ю.Х. Трансграничное сотрудничество на международных реках: проблемы, опыт, уроки, прогнозы экспертов // Под ред. В. А. Духовного. Ташкент: НИЦ МКВК, 2009. — С.14.
14. Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров, ред. А. С. Дундич. — М.: Аспект-Пресс, 2010.
15. Старр Ф. Партнерство в Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. С.72–98.
16. Фельдман Д. М. Политология конфликта. — М.: Аспект-пресс, 1998.
17. Allouche J. L'eau en Asie centrale: incidences d'un nouveau contexte géopolitique // Cemoti. — 2008. — № 4.
18. Falkenmark M. The Massive Water Scarcity Now Threatening Africa: Why Isn't It Being Addressed? // *Ambio*, Vol. 18, 1989. — pp.112–118.
19. Giordano M., Wolf A. The Geography of Water Conflict and Cooperation: Internal Pressures and International Manifestations // *The Geographical Journal*. — dec.2002.
20. Giordano M., Wolf A. Sharing Waters: Post-Rio International Water Management // *Natural Resources Forum*. — May 2003.
21. Gleditsch N. Beyond Scarcity vs. Abundance: A Policy Research Agenda For Natural Resources and Conflict, *Understanding Environment, Conflict and Cooperation*, Programme UNEP, 2004.
22. Gleick P. Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security // *International security*. — 1993. — Vol. 18. — № 1.
23. Hatami H., Gleick P. Chronology of conflict over water in the legends, myths, and history of the ancient Middle East. *Water, war, and peace in the Middle East* // *Environment* 36 (3): 6. — 1994.
24. Homer-Dixon T. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // *International security*. — 2002. — № 19.
25. Le-Huu T. Potential Water Conflicts And Sustainable Management Of International Water Resources Systems. *Water Resources Journal of United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP)*. No.ST/ESCAP/SER.C/210, 2001. — pp. 1–13.
26. McCaffrey S. *The Law of International Watercourses*. 2nd edition, Oxford International Law Library, Oxford: Oxford University Press, 2007. — p.527.
27. Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, New York: Knopf, 1988.
28. National Intelligence Council, *Global trends 2025: A Transformed World*, November 2008.
29. Ohlsson L. *Water and social resource scarcity*, FAO Issue Paper (Rome: Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO)), 1998.
30. Rodda G. On the problems of assessing the World water resources // *Geoscience and water resource environment data model*. Berlin: Heidelberg. — 1997. — pp. 14–32.
31. Thorson E.J. Sharing Himalayan Glacial Meltwater: The role of Territorial Sovereignty // *Duke Journal of Comparative & International Law*. — 2009. — Vol. 19. — p.496.
32. Wolf T.A., Yoffe B. Shira, Giordano M. *International waters: Indicators for identifying basins at risk*. Oregon State University, UNESCO-IHP, 2002, 30 p.
33. Van der Zaag P., Savenije H. H. G. Towards improved management of shared river basins: lessons from the Maseru Conference // *Water Policy*. — 2000. — Vol. 2. — pp.47–63.

#### REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bazhanov E. P. Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii: Izbrannye trudy v 3 t. — М.: Nauchn.kn., 2007. — Т.1. — 328 s.
2. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M. A. Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii. — М.: NOFMO, 2002.

3. Borishpolets K., Babadzhanov A. Vodnye resursy Tsentral'noi Azii v kontekste regional'nogo sotrudnichestva. Analiticheskie zapiski, M.: Tsentr postsovetskikh issledovaniy, MGIMO — Universitet, vypusk 9 (29), dekabr» 2007.
4. Valentini K.L., Orolbaev E.E., Abylgazieva A. K. Vodnye problemy Tsentral'noi Azii. — Bishkek, 2004; Dukhovnyi V.A. Integrirovannoe upravlenie vodnymi resursami. Opyt i uroki Tsentral'noi Azii — navstrechu 4-mu Vsemirnomu vodnomu forumu. — T.: Uzbekiston, 2005.
5. Glukhova A. V. Politicheskie konflikty: osnovaniya, tipologiya, dinamika: Teoret. — metodol. analiz. — M.: Editorial URSS, 2000.
6. Danilov-Danil'yan V.I. Neizbezhen li vodnye voyny? // Dip.ezhegodnik. — M.: Nauch.kn., 2004.
7. Dmitriev A. V. Konfliktologiya. — M.: Gardariki, 2000.
8. Doklad OON o razvitiy cheloveka «Chto kroetsya za nekhvatkoi vody: Vlast», bednost» i global'nyi krizis vodnykh resursov». M.: Ves' mir, 2006.
9. Kozyrev G. I. Politicheskii konflikt: obshchee i osobennoe. Monografiya. — M.: Izd-vo Ekslibris-Press, 2007.
10. Kurtov A. A. Vodnye resursy kak prichina konfliktov v Tsentral'noi Azii // Zhurnal'nyi klub Intelros «Svobodnaya mysl'». — 2013.
11. Petrov G.N., Akhmedov Kh.M. Kompleksnoe ispol'zovanie vodno-energeticheskikh resursov transgranichnykh rek Tsentral'noi Azii. Sovremennoe sostoyanie, problemy i puti ikh resheniya. — Dushanbe: Donish, 2011.
12. Rudov G.A., Ponomareva E. G. Tsentral'naya Aziya. Kavkaz. Balkany: Regional'nye podsistemy i regional'nye problemy bezopasnosti: sbornik statei. — M.: DA MID RF, 2007.
13. Rysbekov Yu.Kh. Transgranichnoe sotrudnichestvo na mezhdunarodnykh rekakh: problemy, opyt, uroki, prognozy ekspertov // Pod red. V.A. Dukhovnogo. Tashkent: NITs MKVK, 2009. — S.14.
14. Sovremennye global'nye problemy / Otv. red. V. G. Baranovskii, A. D. Bogaturov, red. A. S. Dundich. — M.: Aspekt-Press, 2010.
15. Starr F. Partnerstvo v Tsentral'noi Azii // Rossiya v global'noi politike. 2008. № 3. S.72–98.
16. Fel'dman D. M. Politologiya konflikta. — M.: Aspekt-press, 1998.
17. Allouche J. L'eau en Asie centrale: incidences d'un nouveau contexte géopolitique // Cemoti. — 2008. — № 4.
18. Falkenmark M. The Massive Water Scarcity Now Threatening Africa: Why Isn't It Being Addressed? // *Ambio*, Vol. 18, 1989. — pp.112–118.
19. Giordano M., Wolf A. The Geography of Water Conflict and Cooperation: Internal Pressures and International Manifestations // *The Geographical Journal*. — dec.2002.
20. Giordano M., Wolf A. Sharing Waters: Post-Rio International Water Management // *Natural Resources Forum*. — May 2003.
21. Gleditsch N. Beyond Scarcity vs. Abundance: A Policy Research Agenda For Natural Resources and Conflict, Understanding Environment, Conflict and Cooperation, Programme UNEP, 2004.
22. Gleick P. Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security // *International security*. — 1993. — Vol. 18. — № 1.
23. Hatami H., Gleick P. Chronology of conflict over water in the legends, myths, and history of the ancient Middle East. Water, war, and peace in the Middle East // *Environment* 36 (3): 6. — 1994.
24. Homer-Dixon T. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // *International security*. — 2002. — № 19.
25. Le-Huu T. Potential Water Conflicts And Sustainable Management Of International Water Resources Systems. *Water Resources Journal of United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP)*. No.ST/ESCAP/SER.C/210, 2001. — pp. 1–13.
26. McCaffrey S. *The Law of International Watercourses*. 2nd edition, Oxford International Law Library, Oxford: Oxford University Press, 2007. — p.527.
27. Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, New York: Knopf, 1988.
28. National Intelligence Council, *Global trends 2025: A Transformed World*, November 2008.

29. Ohlsson L. Water and social resource scarcity, FAO Issue Paper (Rome: Food and Agriculture Organisation of the United Nations (FAO)), 1998.
30. Rodda G. On the problems of assessing the World water resources // Geoscience and water resource environment data model. Berlin: Heidelberg. — 1997. — pp. 14–32.
31. Thorson E.J. Sharing Himalayan Glacial Meltwater: The role of Territorial Sovereignty // Duke Journal of Comparative & International Law. — 2009. — Vol. 19. — p.496.
32. Wolf T.A., Yoffe B. Shira, Giordano M. International waters: Indicators for identifying basins at risk. Oregon State University, UNESCO-IHP, 2002, 30 p.
33. Van der Zaag P., Savenije H. H. G. Towards improved management of shared river basins: lessons from the Maseru Conference // Water Policy. — 2000. — Vol. 2. — pp.47–63.